

РОССИЙСКО- НЕМЕЦКИЕ ДЕТИ: ГРАНИЦА РАЗУМНОСТИ НА ЗАМКЕ

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

ГДЕ ПОТЕРЯЛИСЬ ПОПРАВКИ К
ЗАКОНУ?

НЕУСТОЙЧИВОЕ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

СОДРУЖЕСТВО

Валентина МАТВИЕНКО, председатель
Совета Федерации ФС РФ
КОСМОС: ПАРТНЕРСТВО
ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТИЖ И
ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

МИР

ЛИВИЯ. ВОЙНА ЗАКОНЧЕНА...

... ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОЙНА?

НАДО ЛИ РОССИИ СОГЛАШАТЬСЯ НА
«ПЛАН БЖЕЗИНСКОГО»

КУЛЬТУРА

С РАЗМАХОМ НА ВСЮ СТРАНУ

КИНЕШМА – ТИХАЯ ГАВАНЬ НА ВОЛГЕ

Человеку свойственно верить в общую справедливость мира. Чтобы успешно жить, работать, воспитывать детей, необходимо доверять стране, где ты живешь, людям, закону. Многие убеждены, что если не нарушать закон, соответствовать нормам и правилам своей среды – а если ты приехал в другое государство, то интегрироваться и соответствовать его нормам – то ничего плохого с тобой случиться не может. Но, к сожалению, бывает и по-другому.

До поры до времени жизнь российской немки Лилии Ванзидлер протекала обыкновенно. Она родилась в Нижнекамске, закончила школу, выучилась на фельдшера. Во время перестройки потеряла работу, но тут же устроилась библиотекарем, затем без отрыва от работы закончила библиотечный институт. А потом с родителями решила переселиться в Германию, благо, имелись немецкие предки.

В Германии Лилия поступила в Кассельский университет, стала изучать германистику и испанский язык. Затем познакомилась с пакистанцем Амьядом Али. Мужчина произвел на нее впечатление – преуспевающий владелец собственного магазина. Лишь когда они уже начали совместную жизнь, выяснилось, что магазин принадлежал вовсе не Али, а его брату; что у Али не было даже официального разрешения на проживание, и в Германии он находился нелегально. Однако Лилия подписала поручительство и помогла Али остаться в Германии по закону. Вскоре родился
сынишка
Самир.

Отношения не ладились – гражданский муж пил, употреблял легкие наркотики, домой приходил очень поздно; к ребенку интереса не проявлял. Порой Али просто исчезал куда-то на несколько дней. Лилия чувствовала себя брошенной. Потом началось рукоприкладство, и даже безграничному терпению российской женщины пришел конец. Она собрала вещички и переехала с ребенком к маме. После чего Али быстренько забрал все ключи – чтобы она не могла больше попасть в их общую квартиру, и некоторое время о сыне и не вспоминал.

История печальная, но не такая уж необычная. А вот дальше стало хуже.

Через пару месяцев Али начали волновать другие вопросы – в первую очередь, получение постоянной визы на проживание в богатой стране, а наличие ребенка с немецким гражданством давало железное право на нее.

Обычно после развода отец и мать должны договориться друг с другом о порядке встреч и общения с ребенком. Амьяд Али поступил проще – зачем разговаривать с

«этой шлюхой» (так он назвал бывшую подругу); пакистанец прямо направил свои стопы в службу по делам несовершеннолетних – югендамт. Там излил свою душу чиновнице – партнерша-негодяйка покинула его, отобрала горячо любимого сынишку и не подпускает, не дает встречаться.

Лилия очень удивилась – как она могла «не подпускать» Али, если тот даже не спрашивал ее об этом? Но в глазах чиновников женщина оказалась виноватой.

Разумеется, она была не против встреч отца с сыном! При первой же из них, получив пятилетнего ребенка на руки, отец повел его в холодный осенний день в лавку своего брата. Там они поставили «взрослый» фильм и приятно проводили время за пивом, ребенку давали холодный сок. Помещение не отапливалось, мальчик был раздет, отец и дядя сидели рядом в теплых свитерах и куртках, но одеть малыша потеплее никому не пришло в голову. В результате – температура, кашель, одышка; врач поставил диагноз «бронхиальная астма». Впоследствии на каждом суде будут до посинения спорить по важнейшим вопросам, с привлечением авторитетов и цитат: может ли астма возникнуть от переохлаждения? Представляет ли астма большую или не очень большую опасность для здоровья? Как будто, если опасность не очень велика, то ребенка можно и простудить, что уж там!

Мы все понимаем, отец – это святое. Но ребенка все-таки жалко! Лилия предложила компромисс – встречи в ее присутствии или в присутствии бабушки. Некоторое время это работало. В большинстве случаев в Германии после развода отцы (а иногда и матери, живущие отдельно) берут детей к себе каждые вторые выходные, иногда – на неделю и на месяц; дети ночуют и живут у второго родителя. Но Амяд Али никогда и не предлагал взять ребенка на выходные, вообще – надолго. Его устраивали свидания по 2–3 часа. Впоследствии Лилия предлагала увеличить время общения – Али отказался, он «много работает», и ему некогда.

Но и под контролем он встречаться с ребенком не хотел. То не являлся, то кричал на Лилию в присутствии ребенка – и исчезал. Однажды прямо на улице ударил бывшую жену. Лилия подала в суд, но дело было прекращено. Зато Али не забывал регулярно посещать югендамт и жаловаться на бессердечие бывшей и нарушение его отцовских прав.

Лилия неизменно соглашалась с тем, что, конечно же, отец должен видаться с ребенком. Но договоренности достичь было трудно. Например, ребенок часто болел. По понедельникам мать водила его на занятия в русскую школу – и только в понедельник папа мог найти время, и этот вопрос решать непременно нужно было только с адвокатами. Первая мысль, которая приходит при этом: а почему бы самому папе не водить ребенка на занятия; да и болезнь – не препятствие: можно тепло закутать, перевезти в папину квартиру, и там отец может с ребенком поиграть, почитать ему книжки, дать лекарства и выполнить необходимые процедуры. Раз уж он отец. Но в данном случае это оказалось невозможно; всем участникам истории было ясно, что ни лечить малыша, ни водить его на курсы папа не будет и не собирается. Просто он отец. Точка. И у него есть права. Точка.

В югендамте Али вел другую политику. «Со слезами на глазах», пишет чиновница, он говорил о том, как хочет видеть своего сына, прижимать к себе, наблюдать, как малыш растет, но «эта страшная женщина» не позволяет ему.

Лилию заставили осознать, что дело серьезно.

– Такое ощущение, – рассказывает она, – что все были против меня. Городок у нас маленький, все чиновники, адвокаты знакомы друг с другом. Вокруг творился какой-то бред. Например, назначенная опекунша отказалась говорить с самим ребенком, видела его лишь мельком, а потом заявила, что ребенок не знает немецкого языка – хотя в заключении психолога сказано, что ребенок говорит по-немецки так же, как

местные дети соответствующего возраста.

В марте 2010 г. очередной суд отобрал у Лилии Ванзидлер родительские права. Сразу и бесповоротно. Оснований было два: 1. Мать мешает полноценному общению ребенка с отцом 2. «Психологическая экспертиза» у назначенного судом врача, которую заставили пройти Лилию.

И это несмотря на то, что ребенок четко выразил желание оставаться у матери. Мать вполне пригодна к воспитанию – мальчик ухожен, развит, воспитан, посещает детский сад и развивающие кружки. Ребенок привык жить у матери, и уход за ним всегда осуществляла именно она. Какая причина могла заставить судей разрушать отношения и насильно отрывать малыша от матери, лишь потому, что не удастся договориться с отцом о порядке посещений? Уму непостижимо.

Может быть, действительно Лилия злостно «мешала общению ребенка с отцом»?

Нет. Она давно перестала настаивать даже на каком-либо контроле. На очередной консультации был определен порядок встреч, по желанию отца, так, как тому удобно – на три часа в неделю. Явился любящий папа только на первое свидание. Все остальные назначенные встречи он пропустил.

– Ребенок переживал, плакал, – рассказывает мать, – мне-то самой все равно, но сына было так жалко – он ждал, что придет папа, готовился, а папе просто все равно, он не является. Так кто «мешал» общению ребенка с отцом?

Отдельного разговора требует «психологическая экспертиза». Заключалась она в одной-единственной беседе с врачом, которого назначил суд. – Он спрашивал меня о чем угодно – о моей биографии, откуда я, кто мои родственники, – говорит Л. Ванзидлер, – почему-то спросил, не еврейка ли я, и не состою ли в общине при синагоге? Меня очень удивил этот вопрос, для Германии он звучит как-то по-нацистски, неприлично даже. Но сейчас я думаю, что он просто выяснял, нет ли у меня влиятельных знакомых, друзей, общины, которые могут меня защитить.

Влиятельных знакомых у Лилии не оказалось.

В результате этой «психологической беседы» врач ничтоже сумняшеся выставил диагноз «расстройство личности» и заявил, что ребенка с ней оставлять опасно. При этом «эксперт» в своем заключении переврал даже простые факты – где Лилия училась и работала.

Впоследствии Лилия прошла дополнительную экспертизу в профессиональной клинике, врачи и психологи которой высказали разумные сомнения: для заключения о «расстройстве личности» следует провести объективные психологические тесты, получить измеряемые результаты; да и квалификация врача, занимающегося психотерапией, – совсем не то, что квалификация психолога. Согласно объективным данным, никакого «расстройства личности» у Лилии не было обнаружено. Но это немецкую юстицию уже не интересовало.

Над Л. Ванзидлер и ее малышом нависла грозная опасность – борьба перешла в новую стадию.

Речь не идет о материнских чувствах или даже правах – но о том, что ребенок подвергается серьезной опасности. Жить с человеком, который даже не знает, зачем нужно в машине детское сиденье; который смотрит с ребенком кровавые боевики и порнографию. Какой здравомыслящий человек отдал бы свое дитя такому? Лилия Ванзидлер обратилась в правозащитную организацию – кельнское отделение Правозащитного Союза Германии, сегодня это единственная организация, занимающаяся в Германии правами русскоязычных. Были поданы апелляции в суды

высших инстанций, эти апелляции последовательно отвергались, без особого вникания к сути дела – кому охота разбираться в семейных проблемах каких-то мигрантов? Сейчас борьба перешла в следующую инстанцию – Конституционный суд. Действия немецкого суда нарушают несколько статей Основного закона Германии; нарушена и международная конвенция прав ребенка. В стране, считающей себя «правовым государством», допущен настолько вопиющий субъективный произвол чиновников и судей, что это кажется уму непостижимым. Однако случайность ли это? Нарушения прав российских матерей – в пользу немецких и даже, как видим, не только немецких отцов – происходят вовсе не редко. Та же правозащитная организация довольно регулярно получает подобные мольбы о помощи. В чем здесь дело?

Лилия Ванзидлер и ее ребенок имеют также российское гражданство. Почему бы Российской Федерации не вступить за права своих граждан за рубежом? Пока от г. Астахова, уполномоченного по правам ребенка, был получен отрицательный ответ на просьбу помочь им. Мол, раз живете в ФРГ, то и разбирайтесь на месте, не наше это дело, российских детей защищать.

Что ж, пожелаем Лилии в этой борьбе, мужества и сил – похоже, силы ей еще понадобятся. Ответ Конституционного суда станет ясен лишь через несколько месяцев.

Яна ЗАВАЦКАЯ, Германия

http://www.sovetnikprezidenta.ru/100/1_ysticia.html